Механизм выявления социальных притязаний как условие легитимности законодательства

Смирнова М. Г.,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры правоведения
Северо-Западного института управления РАНХиГС при Президенте РФ
E-mail: msm777@inbox.ru

Аннотация. В статье исследуется механизм выявления социальных притязаний в праве. Делается вывод, что создание комплексного механизма выявления социальных притязаний является одним из условий легитимности законодательства. Закрепляемые в праве социальные притязания должны соответствовать историческим традициям, культуре, социально-экономической и политической ситуации, а также ожиданиям населения. Эффективный механизм выявления и последующего закрепления социальных притязаний в праве выступает критерием способности права действовать, воплощаться в конкретных отношениях, помогая преодолеть путь от замысла к результату.

Ключевые слова: социальные притязания, механизм выявления социальных притязаний, правовой мониторинг, оценка регулирующего воздействия, легитимность законодательства.

Необходимость в разработке проблем социальных притязаний обусловлена смещением исследовательского внимания к природе права как специфическому социальному явлению, к изучению объективных процессов правообразования и поиску тех социальных интересов и потребностей, которые должны лежать в основе правовых решений. Практика показала, что главным фактором неэффективности принимаемого законодательства является отсутствие механизмов его реализации, а также дефекты социального содержания законов, их неспособность быть инструментом согласования различных социальных интересов, притязаний.

Социальные притязания — это требования, возникающие в обществе, отражающие интересы, существующие в социальной сфере, на которые правовая система должна реагировать признанием, ограничением, примирением и защитой. Роль права и заключается в том, чтобы примирять конфликты и поддерживать порядок в обществе, одновременно создавая возможности для его развития и изменения. Разумное сочетание стабильности и изменчивости в правовом порядке обеспечивается осуществлением правом функции социальной инженерии.

Право появляется и существует там и тогда, где и когда человек ощущает себя способным реально претендовать на что-то, требовать чего-то. Социальные притязания — это основа права, которая затем облекается законом в ту или иную форму.

В любом последующем поколении каждый человек должен обретать новые права, выдвигая и отстаивая свои социальные притязания, затрачивая на это какой-то объем эмоционально-волевой, интеллектуальной, физической энергии («ногами выхаживая» свои права). Если кто-то этого не делает, то обрекает себя на прозябание в собственном правовом развитии, перечеркивает всякую перспективу для себя как правовой личности.

Одна из задач правовой науки заключается в юридическом обосновании, правильном законодательном закреплении социальных притязаний — как в самих правовых нормах, так и в субъективных правах. Благодаря фиксации в позитивном праве у любого участника отношений появляется уверенность: притязание будет постоянно поддерживаться юрисдикцией государства, все иные субъекты обязаны с этим считаться.

Выявление социальных притязаний, психологических моментов, заинтересованности людей в своих делах и стремлениях, изучение движущих мотивов их поведения, в том числе в сфере правового регулирования, анализ сложного взаимодействия этих факторов являются важными задачами современной правовой науки, социологии и экономики, поскольку отражают показатели демократичности правотворческой деятельности.

К таким новационным способам, образующим механизм выявления социальных притязаний, можно отнести правовой мониторинг.

Профессор Ю.А. Тихомиров характеризует правовой мониторинг как динамичный организационный и правовой институт информационно-оценочного характера, движущийся по всем стадиям функционирования управления, хозяйствования, проявляющийся на всех этапах возникновения и действия права¹.

Правовой мониторинг выступает эффективным средством выявления социальных притязаний, устранения пробелов и коллизий в российском законодательстве, способствует решению проблемы прогнозирования и устранения пробелов и дефектов правоприменения.

В современной юридической науке правовой мониторинг сводится в основном к мониторингу в правотворчестве и правоприменительной практике.

К основным способам выявления социальных притязаний относится мониторинг в правотворчестве. Его конечной целью является создание эффективного механизма правотворчества, в результате которого принимались бы нормативные правовые акты, отражающие общественные потребности и закрепляющие назревшие социальные притязания субъектов, в том числе и в экономической сфере. Основой информационной базы этого вида мониторинга являются данные социологических исследований: анкетирование граждан, специалистов-практиков и опросы общественного мнения.

К способам выявления социальных притязаний относятся метод экспертных оценок и прогнозирование.

Одним из эффективных способов выявления социальных притязаний на стадии проработки проекта нормативного правового акта является его общественное обсуждение. Если социальные притязания не получили своего отражения в проекте нормативного правового акта или получили отражение, но искаженно, — на этот случай существует механизм правовой экспертизы, который может устранить данные несоответствия. Одним из видов такой экспертизы является антикоррупционная экспертиза.

Другим способом выявления социальных притязаний является мониторинг правоприменения. В целях обеспечения эффективного законотворчества необходима специальным образом организованная деятельность специальных органов по выявлению социально-экономических притязаний, а также возможных вариантов развития общественных отношений, законодательства, определение оптимальных средств и методов правового регулирования тех или иных сфер социальных отношений, особенно в экономике.

Хотелось бы уделить особое внимание такому способу выявления социальных притязаний в экономической сфере, как оценке регулирующего воздействия нормативных правовых актов. Данный способ является чрезмерно важным, поскольку от него напрямую зависит формирование эффективной правовой и экономической стратегии любого развитого государства.

Под оценкой регулирующего воздействия следует понимать совокупность методов и способов, использующих научные знания и специальные познавательные техники, при помощи которых анализируются эффективность и необходимость существующих программ и векторов развития, в том числе права и экономики.

Оценка регулирующего воздействия используется при анализе проектов нормативно-правовых актов, а также актов, вносящих изменения в действующие законы, с целью выявления издержек и выбора верных альтернатив для оптимизации национальной законодательной базы.

Несмотря на наличие законодательной базы в современной России отсутствуют единые методики и процедуры проведения оценки регулирующего воздействия, которые признавались бы всеми участниками данного процесса. Поэтому целесообразно обратиться к зарубежному опыту.

Использование оценки регулирующего воздействия (далее — ОРВ) в национальной правовой системе европейских государств служит одним из оснований для вступления кандидата в Европейский союз (ЕС). Оценка планируемого и действующего законодательства в таком случае осуществляется, как правило, с целью улучшения бизнес-среды. Несколько стран-кандидатов в Центральной и Восточной Европе использовали ОРВ для облегчения процесса согласования между законами Европейского союза и своих национальных законодательств. Целью ОРВ было снижение расходов на правовую гармонизацию законодательства для правительства, предприятий, граждан, а также содействие переговорному процессу с ЕС об условиях членства. В некоторых странах после вступления в Европейский союз (например, Литва и Польша) такие программы с течением времени были закреплены законодательно, с целью более эффективного государственного регулирования. Эти практики были приняты странами западных Балкан (например, Хорватия, и в меньшей степени, Босния и Герцеговина)².

Оценка регулирующего воздействия (Regulatory Impact Assessment, RIA) или анализ регулирующего

¹ См.: Правовой мониторинг. Научно-практическое пособие. М., 2009. С. 19.

² Петренко А.В. Оценка регулирующего воздействия нормативных правовых актов как средство эффективной правовой политики России // Черные дыры в российском законодательстве. 2014. № 3. С. 36.

воздействия (Regulatory Impact Analysis) представляет собой процесс систематического выявления и оценки ожидаемых последствий путем последовательного аналитического метода (например, анализа выгод и издержек) возможных эффектов, наступающих в результате введения тех или иных регулятивных мер.

В некоторых странах данный институт применяется систематически, в то время как в других странах он все еще находится на экспериментальной стадии.

Одними из первых среди европейских стран применять оценку регулирующего воздействия стали Великобритания, Дания, Нидерланды, которые можно рассматривать как эталонные, где практика оценки регулирующего воздействия разработана наиболее полно и может служить в качестве ориентира для других стран.

В России оценка регулирующего воздействия нормативных правовых актов получила свое развитие лишь в рамках экономической составляющей.

Так, согласно ст. 26.3-3 Федерального закона от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»:

«1. Проекты нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, устанавливающие новые или изменяющие ранее предусмотренные нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации обязанности для субъектов предпринимательской и инвестиционной деятельности, а также устанавливающие, изменяющие или отменяющие ранее установленную ответственность за нарушение нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, затрагивающих вопросы осуществления предпринимательской и инвестиционной деятельности, подлежат оценке регулирующего воздействия, проводимой уполномоченными органами государственной власти субъектов Российской Федерации в порядке, установленном нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, за исключением:

а) проектов законов субъектов Российской Федерации, устанавливающих, изменяющих, приостанавливающих, отменяющих региональные налоги, а также налоговые ставки по федеральным налогам;

б) проектов законов субъектов Российской Федерации, регулирующих бюджетные правоотношения.

1.1. Оценка регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации (далее — оценка регулирующего воздействия) проводится в целях выявления положений, вводящих

избыточные обязанности, запреты и ограничения для субъектов предпринимательской и инвестиционной деятельности или способствующих их введению, а также положений, способствующих возникновению необоснованных расходов субъектов предпринимательской и инвестиционной деятельности и бюджетов субъектов Российской Федерации.

2. Нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации, затрагивающие вопросы осуществления предпринимательской и инвестиционной деятельности, в целях выявления положений, необоснованно затрудняющих осуществление предпринимательской и инвестиционной деятельности, подлежат экспертизе, проводимой в порядке, установленном нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации.

3. Методическое обеспечение деятельности по проведению оценки регулирующего воздействия и экспертизы нормативных правовых актов, в том числе разработка методических рекомендаций по внедрению процедуры и порядка проведения оценки регулирующего воздействия в субъектах Российской Федерации, осуществляется уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти».

Полагаем, что необходима разработка предложений с учетом зарубежного опыта, позволяющих использовать институт оценки регулирующего воздействия максимально, затрагивая все сферы политической, юридической и общественно-социальной жизни, а не только хозяйственной.

Необходимо сформировать единую методику оценки регулирующего воздействия нормативных правовых актов, а также методические рекомендации, позволяющие избежать ряда проблем, в том числе и противоречий актов.

Создание эффективного механизма выявления социально-экономических притязаний является одной из важных перспектив экономического и правового развития России в глобальном мире.

Б.А. Кистяковский подчеркивал, что процесс правотворчества совершается не только в законодательных учреждениях, где право лишь формулируется, но и в недрах общества, где оно зарождается и созревает³.

Таким образом, возникает необходимость в новых, эффективных способах выявления социальных притязаний, в том числе оценки адекватности всей правовой системы развивающимся общественным потребностям.

Создание комплексного механизма выявления социальных притязаний в современной

³ Кистяковский Б.А. Социальные науки и право: Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М., 1916. С. V-XV.

мировой системе является одним из условий легитимности законодательства.

Стоит согласиться с Честновым И. Л., что с позиций современной постклассической методологии легитимность права — это не статичная данность, а процесс или механизм постоянного подтверждения принятия права населением⁴.

С точки зрения Денисенко В. В. (ученый, который, по сути, впервые фундаментально исследовал проблемы легитимности права): «Без понимания вопросов легитимности права как вида социальных норм нельзя ответить на вопрос — как формируются нормативные порядки, обладающие силой связывать волю индивидов, направлять их поведение. Именно признание позитивного права является причиной его исполнения, наделяет его силой в правоотношении, ибо реализация закона исключительно по причине страха наказаний, так называемое маргинальное правомерное поведение, никогда не будет достаточной для достижения целей правового регулирования»⁵. «Таким образом, можно сделать вывод, — утверждает В. В. Денисенко, — что не принудительность, но прежде всего авторитет, признание норм позволяет им действовать, поэтому легитимность закона является главным сущностным свойством позитивного права, а не обеспеченность принуждением, поэтому легитимность является свойством, признаком права, который наряду с иными качествами характеризует онтологическую сущность права»⁶.

Действительно, легитимность права является очень актуальной темой, нуждающейся в детальном исследовании.

Полагаем, что необходимо выделять уровни легитимности права.

Так, первым уровнем является легитимность законодательства, которую, собственно, и обеспечивает механизм выявления социальных притязаний. На этом уровне социальные притязания выполняют значимую роль, поскольку отражают и фиксируют потребность в правовом регулировании общественных отношений. В целом, весь процесс формирования объективного права сложен и диалектичен, он не может игнорировать рождающихся социальных притязаний, но и не сводится к простой их констатации в законодательстве.

Идеал развития любого общества, как считал немецкий ученый Мюллер, состоит в том, чтобы люди сами познали соотношение между своими интересами и интересами общества, государства и на этой основе установили между собой равновесие, а в обществе — социальный мир и согласие. Если бы при этом люди обладали полным запасом знаний своей природы и внешнего мира, они могли бы определить оптимальную — при данных исторических условиях — форму своих взаимоотношений. Однако на каждый данный момент люди обладают весьма ограниченными знаниями, но весьма разнообразными интересами и намерениями, поэтому их представления о нормальном типе взаимоотношений всегда составляют какое-то приближение к истине⁷. Достаточно характерные следы подобного приближения всегда можно обнаружить в так называемом объективном праве.

Объективное право складывается в ходе осознания людьми своих прав и свобод, включая их борьбу за свои интересы, путем выдвижения и отстаивания собственных социальных притязаний, которые в результате правотворческой деятельности государственных, судебных и других органов и организаций получают свое закрепление в нормах права.

Н. И. Матузов полагает, что право в объективном смысле — это совокупность юридических норм, выраженных (внешне объективированных) в соответствующих актах государства (законах, кодексах, конституциях, указах, постановлениях и т. д.)⁸. Право в объективном смысле — это законодательство данного периода в данной стране.

Стоит согласиться с С. С. Алексеевым, что объективное право представляет собой реальность, но реальность, образованную людьми, находящуюся в их «руках»⁹.

Объективное право при всей существенности и императивности лежащих в ее основе факторов (экономики, политики и др.) своим появлением обязано возникновению и последующему закреплению в нормах права социальных притязаний.

Так, когда нормы права отстают от развития общественных отношений или неполно их регулируют, появляются притязания на признание соответствующих прав, что ведет либо к совершенствованию законодательства, либо к наполнению общих норм и вытекающих

⁴ Честнов И. Л. Проблема легитимности права: размышления на полях монографии В. В. Денисенко «Легитимность как характеристика сущности права» // Правоведение. 2014. № 6(317). С. 264.

⁵ Денисенко В. В. Легитимность как характеристика сущности права. Введение в теорию. Монография. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 40.

⁶ Там же. С. 45.

⁷ Цит. по: Казмер М. Э. Социологическое направление в русской дореволюционной мысли. Рига, 1983. С. 38.

⁸ Матузов Н. И. Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2003. С. 70.

⁹ Алексеев С. С. Восхождение к праву. М., 2001. С. 119.

из них правоотношений новым социальным содержанием. Признавая данное притязание, компетентный орган определяет его содержание, границы и свойства, а также вытекающие из него обязанности, должное поведение. Обязанное поведение, чтобы стать юридическим, также фиксируется государством.

Таким образом, связь социальных притязаний и объективного права очевидна. Социальная свобода ближайшим образом «подступает» к объективному праву в виде того специфического явления, которое в данной работе названо социальным притязанием. «Право, — писал Н. Луман, — возникает не из-под пера законодателя. Оно обусловлено множеством нормативных ожиданий, иначе говоря, правовых требований, и едва ли могли бы издаваться законы без этого базиса. Прежде всего, учитывается нормативность таких требований»¹⁰.

С этой точки зрения есть основания для того, чтобы признать социальные притязания, конечно же, не все, а только те, которые носят правовой характер, сущностью объективного права «второго порядка»¹¹.

Из сказанного следует, что социальные притязания находят свое прочное выражение в юридической форме, благодаря их соответствующему закреплению, превращаясь в гарантированную возможность свободно действовать для достижения определенных интересов. Само по себе социальное притязание не имеет юридического значения до тех пор, пока не попадает в правовую оболочку, которая придает ему общезначимость и является способом объективации этого содержания.

Именно в правовых нормах социальные притязания субъектов общественных отношений, если они отвечают соответствующим критериям, должны находить четкое и стабильное выражение. Благодаря фиксации в правовых нормах (в объективном праве) у любого участника отношений появляется уверенность, что данное притязание будет постоянно поддерживаться юрисдикцией государства в качестве субъективного права и что все иные субъекты должны будут (юридически обязаны) с этим считаться.

Вторым уровнем легитимности выступает уровень реализации права. На стадии реализации права нормы права воплощаются в жизнь в виде конкретного поведения субъектов. Нередки случаи, когда норма права по своему правовому содержанию признается обществом и является легитимной, но при реализации

права легитимность ее снижается или утрачивается вовсе, поскольку тот правовой результат, к которому стремился законодатель при издании нормы, не достигается из-за отсутствия политических, экономических или юридических факторов.

Так, ярким примером выступает анализ легитимности норм права, регулирующих отношения по возмещению вреда в порядке реабилитации.

Конституция РФ закрепляет право каждого на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями органов государственной власти или их должностных лиц (ст. 53), реализация которого гарантируется конституционной обязанностью государства в случае нарушения органами публичной власти и их должностными лицами прав, охраняемых законом, обеспечивать потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (ст. 52), а также государственную, в том числе судебную, защиту прав и свобод человека и гражданина (ч. 1 ст. 45, ст. 46).

В силу положений п. 1 ст. 8 и ст. 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, ратифицированной Федеральным законом от 30.03.1998 № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», каждый имеет право на уважение его личной жизни и право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено людьми, действовавшими в официальном качестве.

Конституционным гарантиям находящегося под судебной защитой права на возмещение вреда, в том числе причиненного необоснованным уголовным преследованием, корреспондируют положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод (п. 5 ст. 5) и Международного пакта о гражданских и политических правах (пп. «а» п. 3 ст. 2, п. 5 ст. 9), утверждающие право каждого, кто стал жертвой незаконного ареста, заключения под стражу, на компенсацию.

В соответствии с п. 1 ст. 1070 ГК РФ вред, причиненный гражданину в результате незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, незаконного привлечения к административной ответственности в виде административного ареста, а также вред, причиненный юридическому лицу в результате незаконного привлечения к административной ответственности в виде административного приостановления деятельности, возмещается за счет казны РФ, а в случаях, предусмотренных законом, за счет казны субъекта РФ или казны

¹⁰ Luhmann N. Ausdifferenzierung des Rechts. Frankfurt a.\M., 1981. S. 122.

¹¹ Явич Л.С. О сущности второго порядка: Гносеологические вопросы общего учения о праве // Правоведение. 1976. № 1. С. 18.

муниципального образования в полном объеме независимо от вины должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда в порядке, установленном законом.

Согласно ст. 1071 ГК РФ в случаях, когда в соответствии с Кодексом или другими законами причиненный вред подлежит возмещению за счет казны РФ, казны субъекта РФ или казны муниципального образования, от имени казны выступают соответствующие финансовые органы, если в соответствии с п. 3 ст. 125 Кодекса эта обязанность не возложена на другой орган, юридическое лицо или гражданина.

Главой 18 и ст. 133 УПК РФ предусмотрено право на реабилитацию, которое включает в себя, в том числе, право на устранение последствий морального вреда.

На основании п. 3 ч. 2 ст. 133 УПК РФ право на реабилитацию, в том числе право на возмещение вреда, связанного с уголовным преследованием, имеет обвиняемый, в отношении которого прекращено уголовное преследование по реабилитирующим основаниям.

В силу положений п. 1 ст. 150 ГК РФ жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, неприкосновенность частной жизни, право свободного передвижения являются личными неимущественными правами гражданина.

Согласно ч. 1 ст. 151 ГК РФ, если гражданину причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину другие нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда.

В соответствии со ст. 100 ГК РФ компенсация морального вреда осуществляется независимо от вины причинителя вреда в случаях, когда вред причинен гражданину в результате его незаконного привлечения к уголовной ответственности.

Как следует из разъяснений, содержащихся в п. 13 и 14 постановления Пленума ВС РФ от 29.11.2011 № 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве», с учетом положений ст. 133 УПК РФ и ст. 1070 ГК РФ вред, причиненный гражданину в результате незаконного или необоснованного уголовного преследования, например, незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного задержания, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу и иных мер процессуального принуждения, незаконного

применения принудительных мер медицинского характера, возмещается государством в полном объеме (в том числе с учетом требований ст. 15 ГК РФ) независимо от вины органа дознания, дознавателя, следователя, прокурора и суда за счет казны РФ.

К участию в делах по требованиям реабилитированных о возмещении имущественного вреда в качестве ответчика от имени казны РФ привлекается Министерство финансов РФ. Интересы Министерства финансов РФ в судах представляют по доверенности (с правом передоверия) управления Федерального казначейства по субъектам РФ.

Пунктом 21 указанного постановления Пленума ВС РФ разъяснено, что при определении размера денежной компенсации морального вреда реабилитированному судам необходимо учитывать степень и характер физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями лица, которому причинен вред, иные заслуживающие внимания обстоятельства, в том числе продолжительность судопроизводства, длительность и условия содержания под стражей, вид исправительного учреждения, в котором лицо отбывало наказание, и другие обстоятельства, имеющие значение при определении размера компенсации морального вреда, а также требования разумности и справедливости.

Таким образом, правовое регулирование отношений по возмещению вреда, причиненного гражданину в результате незаконного или необоснованного уголовного преследования, например, незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного задержания, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу и иных мер процессуального принуждения, незаконного применения принудительных мер медицинского характера на стадии законодательной регламентации имеет высокую легитимность.

Однако на стадии реализации данных норм уровень легитимности резко падает. Это обусловлено небольшим размером сумм морального вреда, взыскиваемых в порядке реабилитации, несопоставимых характеру перенесенных физических и моральных страданий лиц, которые были подвергнуты незаконному или необоснованному уголовному преследованию.

В качестве примера приведем следующий случай из практики. Так, 07.05.2015 в отношении гражданина Л. следственным отделом по Красносельскому району Главного следственного управления Следственного комитета РФ по Санкт-Петербургу было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ.

В данном уголовном деле гражданин Л., 08.03.1992 г.р., был привлечен в качестве обвиняемого.

С 08.05.2015 по 06.11.2015 в отношении него была избрана мера пресечения — содержание под стражей (6 месяцев).

14.05.2015 гражданину Л. было предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст. 105 УК РФ.

06.11.2015 (спустя 6 месяцев) гражданин Л. был освобожден из изолятора, ему была избрана мера пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении вплоть до 12.07.2016.

12.07.2016 в отношении гражданина Л. следователем-криминалистом Следственного отдела по Красносельскому району Главного следственного управления Следственного комитета РФ г. Санкт-Петербурга было вынесено постановление о прекращении в отношении него уголовного преследования.

02.11.2016 гражданин Л. обратился в Красносельский районный суд Санкт-Петербурга с иском заявлением, в котором просил взыскать с Министерства финансов РФ в его пользу денежные средства в качестве компенсации морального вреда в размере 2 млн руб. В исковом заявлении в качестве обоснования своих требований гражданин Л. указывал, что на протяжении 14 месяцев (с 07.05.2015 по 12.07.2016) он находился под следствием, 6 месяцев из которых в местах лишения свободы. Данный период времени является значительным, поскольку в течение данного времени Л. был ограничен в реализации основных конституционных прав, а именно права на свободу передвижения, права на трудоустройство и т.д.

Таким образом, в ходе незаконного уголовного преследования он был подвергнут незаконному уголовному преследованию и осуждению, более года находился в психотравмирующей обстановке, был лишен свободы передвижения. В ходе расследования дела были проведены несколько обысков в присутствии понятых, которые хорошо знают его семью, что накладывало отпечаток на его личность. Во время отбывания наказания гражданин Л. был уволен с места работы, что лишило его заработка. Условия содержания в местах лишения свободы были ужасные, камеры были переполнены. Чрезмерная скученность в камерах привела к значительному усилению его отрицательного психического, физиологического и морального состояния.

В ходе чего во время отбывания наказания у гражданина Л. развилась кожная болезнь, в связи с чем он проходил обследование, а также дальнейшее лечение с 30.11.2015 по 18.12.2015 в СПб ГБУЗ «Городской кожно-венерологический диспансер» № 6,

в результате обследования ему был поставлен диагноз: основной «Распространенная пиодермия», сопутствующий «Посттравматическая энцефалопатия». 13.11.2015 гражданин Л. был выписан под диспансерное наблюдение дерматолога КВД по месту жительства. Факт его нахождения в дерматологическом отделении СПб ГБУЗ «Кожно-венерологический диспансер» № 6 был подтвержден документально.

24.04.2017 Красносельским районным судом Санкт-Петербурга было принято решение, которым искивые требования гражданина Л. к Министерству финансов РФ о взыскании компенсации морального вреда за незаконное уголовное преследование удовлетворены частично и взыскано с за счет средств казны РФ в пользу гражданина Л. 600 тыс. руб. в счет компенсации морального вреда.

24.10.2017 Судебная коллегия по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда, рассмотрев в открытом судебном заседании апелляционные жалобы гражданина Л., Прокуратуры Красносельского района Санкт-Петербурга, Министерства финансов РФ на решение Красносельского районного суда Санкт-Петербурга от 24.04.2017, апелляционным определением определила: решение Красносельского районного суда Санкт-Петербурга от 24.04.2017 изменить; взыскать с Министерства финансов РФ за счет средств казны РФ в пользу гражданина Л. компенсацию морального вреда в размере 150 тыс. руб.; в остальной части решение Красносельского районного суда Санкт-Петербурга от 24.04.2017 оставить без изменения, апелляционные жалобы — без удовлетворения.

21.12.2017 определением судьи Санкт-Петербургского городского суда гражданину Л. было отказано в передаче его кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции. Последующие обращения гражданина Л. в высшие судебные инстанции положительного результата по оспариванию вышеуказанных судебных актов не принесли.

Данная правовая ситуация наглядно показывает, как легитимность норм, регламентирующих отношения по возмещению вреда, причиненного гражданину в результате незаконного или необоснованного уголовного преследования, незаконного осуждения, снижается в процессе их реализации. Размер моральных страданий за незаконное уголовное преследование на протяжении 14 месяцев, 6 месяцев из которых лицо находилось в местах лишения свободы, суды оценивают в размере всего 150 тыс. руб., мотивируя данные суммы тем, что моральный вред

не должен служить средством обогащения лиц, обратившихся за судебной защитой своих прав.

Таким образом, социальные притязания, механизм их выявления находятся в непосредственной связи с легитимностью законодательства, поскольку проблемы социальных притязаний в их правовом опосредовании затрагивают такие жизненно важные вопросы, как удовлетворение возникающих потребностей и запросов людей, повышение их общественной и правовой активности, создание соответствующих позитивных стимулов поведения, трудовой и экономической деятельности.

Учет психологических моментов, заинтересованности людей в своих делах и стремлениях, изучение движущих мотивов их поведения, в том числе в сфере правового регулирования, анализ сложного взаимодействия этих факторов — важные задачи современной юридической науки, поскольку являются условиями действительности права, его легитимности.

Список литературы

1. Алексеев С. С. Восхождение к праву. М., 2001. С. 119.
2. Денисенко В. В. Легитимность как характеристика сущности права. Введение в теорию. Монография. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 40.
3. Казмер М. Э. Социологическое направление в русской дореволюционной мысли. Рига, 1983. С. 38.
4. Матузов Н. И. Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2003. С. 70.
5. Петренко А. В. Оценка регулирующего воздействия нормативных правовых актов как средство эффективной правовой политики России // Черные дыры в российском законодательстве. 2014. № 3. С. 36.
6. Правовой мониторинг: науч.-практ. пособие. М.: Юриспруденция, 2009. 416 с.
7. Честнов И. Л. Проблема легитимности права: размышления на полях монографии В. В. Денисенко «Легитимность как характеристика сущности права» // Правоведение. 2014. № 6(317). С. 264.

The Mechanism of Revealing Social Claims as a Condition for the Legitimacy of Legislation

Smirnova M. G.,

Doctor of Law, Associate Professor,
Professor of the Department of Jurisprudence,
North-West Institute of Management, branch of RANEPA
E-mail: msm777@inbox.ru

Abstract. The article investigates a mechanism to identify social demands in the law. It is concluded that the creation of a comprehensive mechanism to identify social claims is one of the conditions for the legitimacy of the legislation. The social claims enshrined in the law must be consistent with the historical traditions, culture, socio-economic and political situation, as well as the expectations of the population. An effective mechanism for identifying and further consolidation of social claims in law is a criterion of the ability of the right to act, to be embodied in a specific relationship, helping to overcome the path from design to result.

Keywords: social claims, mechanism of revealing social claims, legal monitoring, regulatory impact assessment, legitimacy of legislation.

References

1. Alekseev S. S. Voskhozhdenie k pravu. M., 2001. S. 119.
2. Denisenko V. V. Legitimnost kak kharakteristika suschnosti prava. Vvedenie v teoriyu. Monografiya. M.: Yurлитinform, 2014. S. 40.
3. Kazmer M. E. Sotsiologicheskoe napravlenie v russkoj dorevoljucionnoj mysli. Riga, 1983. S. 38.
4. Matuzov N. I. Aktualnye problemy teorii prava. Saratov, 2003. S. 70.
5. Petrenko A. V. Otsenka reguliruyuschego vozdejstviya normativnykh pravovykh aktov kak sredstvo effektivnoj pravovoj politiki Rossii // Chernye dyry v rossijskom zakonodatelstve. 2014. № 3. S. 36.
6. Pravovoj monitoring: nauch.-prakt. posobie. M.: Yurisprudentsiya, 2009. 416 s.
7. Chestnov I. L. Problema legitimnosti prava: razmyshleniya na polyakh monografii V. V. Denisenko "Legitimnost kak kharakteristika suschnosti prava" // Pravovedenie. 2014. № 6(317). S. 264.